

**ШЕРВУД
АНДЕРСОН**

КОНИ И ЛЮДИ

Шервуд Андерсон

Кони и люди

«Public Domain»

Андерсон Ш.

Кони и люди / Ш. Андерсон — «Public Domain»,

ISBN 978-5-4467-3474-0

Шервуд Андерсон (1876–1941) – один из выдающихся новеллистов XX века, признанный классик американской литературы. В рассказах Андерсона читателю открывается причудливый мир будничного существования обыкновенного жителя провинциального города, когда за красивым фасадом кроются тоска, страх, а иногда и безумная ненависть к своим соседям.

ISBN 978-5-4467-3474-0

© Андерсон Ш.
© Public Domain

Содержание

Зря	6
Глава I	8
Глава II	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Шервуд Андерсон
Кони и люди
Сборник

© Перевод. М. Волосов, наследники, 2019

Зря

Роман из жизни Огайо

Доктор был необыкновенно крупный человек и безукоризненно чистый. Я был у него в услужении, убирал его кабинет, косил лужайку перед домом, смотрел за его двумя лошадьми и выполнял все мелкие поручения по дому и кухне, вроде того как принести дров, налить воды в ванну, стоявшую на солнце, позади деревьев, а иногда во время купания потереть те места широченной спины доктора, которые оставались для него недостижимыми.

У доктора было одно пристрастие, и он сразу заразил им и меня. Он любил ловить рыбу, а так как он знал все рыбные места в реке, в нескольких милях к западу от города, и в заливе Сандаски, милях в двадцати на север, то мы часто отправлялись на довольно долгое время удить рыбу.

Однажды, после полудня, в один из последних июньских дней, когда мы плавали в лодке по заливу, к берегу прибежал фермер и, размахивая руками, стал звать доктора. В полумиле от нас, в устье какой-то реки, было найдено тело маленькой Мэй Эджли. Она уже несколько дней была мертва, и доктор ничем помочь не мог; конечно, глупо было его звать, тем более что у него только что начало клевать. Я и сейчас помню, как он ворчал и злился. Доктор тогда еще не знал, что произошло, а тут как нарочно рыба начала клевать просто изумительно, – я только что вытащил огромную рыбину, и нам улыбался целый вечер превосходной ловли. Но знаете ведь, как это бывает – доктор всегда должен бегать на зов всех и каждого.

– Будь он проклят! Всегда вот так. Извольте радоваться – вечерок для рыбной ловли, какой редко выдается, ветерок самый подходящий, небо облаками заволочло, так нет же, эдакое проклятое невезение! Стоит только показаться врачу, и фермер про это пронюхает, так, чтобы ему удовольствие доставить, он обязательно себе палец поломает, или мальчишка с крыши свалится, или у старухи живот разболится. Наверное, с одной из баб что-нибудь случилось! Я их знаю. У этого, что сейчас вот там орет, живет незамужняя сестра жены. Чертова баба, сентиментальная старая дева. Жалуется на нервы – доведет себя до истерики и решает, что сейчас умрет. Черта с два она умрет! Мне эта порода знакома. Им только и надо, чтобы доктор за ними на поводу ходил. Попадись им доктор в руки, так заполучат его в свою комнату и часами начнут говорить о себе – если только дашь им волю.

Доктор сворачивал лесу, жалуясь и ворча, а потом вдруг снова повеселел, что было очень характерно для человека, который часто с одинаковой улыбкой работал день-деньской, а ночью, вместо отдыха, несся куда-нибудь по ухабистым дорогам по спешному зову.

Он взялся за весла и стал грести к берегу. Когда я предложил заменить его у весел, он покачал головой и сказал:

– Нет, малыш, это хорошо для моей фигуры, – многозначительно указав глазами на свое огромное брюхо.

Он улыбнулся.

– Надо следить за своей фигурой. В противном случае я потеряю практику среди незамужних пациенток.

И вот, подъехав к берегу, мы узнали, что маленькая Мэй Эджли из нашего города утонула в этом захолустном углу и тело ее пробыло несколько дней в воде. Его обнаружили среди камышей, вблизи устья глубокой речки, впадавшей в залив. Когда мы пришли, фермер, его сын и батрак вытащили тело и положили на доски возле овина.

Я впервые в жизни видел смерть, и никогда мне не забыть тех минут, когда, идя следом за доктором мимо небольшой группы, собравшейся вокруг утопленницы, я увидел мертвое, разбухшее, обезображенное женское тело.

Доктор привык к подобным зрелищам, но для меня это было ново и ужасно. Я помню, что один раз взглянул и удрал. Я влетел в конюшню и оперся о ясли, из которых старая лошадь ела сено. Жаркий день вдруг показался мне холодным, но в конюшне мне снова стало тепло.

О, какая это чудесная вещь для мальчика – конюшня с ее чудным душистым запахом свежего сена и с согревающим теплом животных вокруг. Когда я жил и работал в доме доктора, его жена прикрывала меня зимою теплым пледом. И вот уютное тепло конюшни послужило в своем роде пледом в тот день, когда я увидел мертвое тело Мэй Эджли.

Мэй Эджли была девушкой маленького роста, с маленькими руками, и в одной руке, когда тело вытащили из воды, была зажата дамская шляпа – большая, широкополая и, наверное, шикарная шляпа. На одной стороне красовалось страусовое перо, вроде тех, которые видишь на шляпах дам, наводняющих трибуны ипподромов или третьесортные курорты.

Оно запечатлелось у меня в памяти, это грязное, загаженное страусовое перо, за которое рука маленькой Мэй Эджли крепко ухватилась перед лицом смерти. Стоя в конюшне и еще вздрагивая от внутреннего холода, я вызвал в воображении это пышное перо, каким я часто видел его на голове сестры Мэй – Лиль Эджли, которая всегда с вызывающим видом проходила по улицам нашего городка Бидвелля, в штате Огайо.

И в то время, как я стоял в старом стойле, трепеща детским страхом смерти, лошадка просунула свою морду меж досок и потерлась мягким, теплым носом о мою щеку. Фермер, у которого мы теперь находились, был, по всей вероятности, ласков с животными. Старая лошадка терлась носом вверх и вниз по моему лицу. Она, казалось, хотела сказать:

– Тебе еще далеко до смерти, милый мальчик, когда время придет, то ты вовсе не будешь бояться. Я стара уже, а потому знаю. Смерть кажется доброй утешительницей, когда мы прожили наши дни.

Во всяком случае, она хотела сказать нечто вроде этого; я успокоился, это разогнало страх и могильный холод.

Все формальности по перевозке тела Мэй Эджли в город к ее родным были выполнены, и вечером в глубоких сумерках мы с доктором возвращались домой; вот тогда доктор, говоря об утопленнице, употребил то слово, которое я взял заглавием для моего рассказа. «Зря, – сказал он, – совершенно зря».

Он много интересного сказал в тот вечер, но всего не вспомнишь; ночь мягко надвигалась, и серая дорога виднелась все более и более смутно; но вот выплыла луна, и дорога из темно-серой стала серебристой с чернильными кляксами в тех местах, куда падали тени деревьев.

Доктор был достаточно умен для того, чтобы не относиться свысока к мальчику. Сколько раз, бывало, говорил он со мною о своих впечатлениях, о людях и событиях. О, в голове старого жирного доктора теснилось много мыслей, о которых не догадывались его пациенты, но он делился ими с мальчиком, служившим у него.

Старая кобылка бежала ровным шагом, так же весело выполняя свою работу, как ее хозяин свою.

Доктор закурил сигару.

Он заговорил о покойнице, о Мэй Эджли, – какая это была умная девушка.

Что касается ее истории, то он не сполна рассказал мне ее. Я жил в тот вечер очень интенсивной жизнью, вернее, мое воображение било ключом, а доктор был сеятелем, ронявшим семена в плодородную почву. Он как будто подвигался широким длинным полем, свежевозделанным пахарем – смертью, и широко разбрасывал по пути семена повести – семена падали далеко, за пределы поля, и попадали в восприимчивое, пробуждающееся воображение мальчика.

Глава I

Семья Эджли, проживавшая в нашем городке Бидвелле, в штате Огайо, состояла из трех братьев, трех сестер и их родителей.

Две старшие девушки, Лиллиан и Кейт, были известны, по крайней мере, в дюжине городков, вдоль железной дороги, проходившей между Кливлендом и Толедо.

Слава старшей Лиллиан разошлась далеко за пределы Бидвелля. Ее хорошо знали на улицах соседних городов, вроде Клайда, Норуолка, Фримонта, Тиффина, и даже в Кливленде и в Толедо. Летним вечером она гуляла вверх и вниз по нашей Главной улице, и на голове у нее неизменно красовалась огромная шляпа с белым страусовым пером, ниспадавшим до плеча.

Так же как и сестра ее Кейт (которая, кстати, не занимала видного положения в жизни нашего городка), Лиллиан была блондинкой с холодным, пристальным взглядом голубых глаз.

Почти каждую пятницу вечером Лиллиан пускалась в поиски приключений и возвращалась не раньше понедельника или вторника. Было очевидно, что эти приключения весьма прибыльны, ибо семья Эджли состояла сплошь из переобремененных тружеников, и уже наверное не братья покупали то бесконечное количество новых тряпок, в которые рядилась Лиллиан.

В один из таких вечеров, в пятницу, Лиллиан появилась на главной улице Бидвелля близ вокзала; тут околачивались дюжины две мужчин и женщин, ожидавших прибытия поезда, шедшего в Нью-Йорк. Они стали разглядывать Лиллиан, и та, в свою очередь, их.

На западе, откуда должен был появиться поезд, еще виднелось зарево солнца, заходящего за полями молодого маиса. Небо горело дивным розовым пламенем, и бездельники, вперившие глаза в Лиллиан, молчали под влиянием величия и красоты вечера и вызова в глазах девушки.

Поезд подошел и разбил чары молчания. Завидев Лиллиан, кондуктор и проводник соскочили на платформу и приветливо замахали ей руками. Машинист тоже высунул голову из паровоза.

Лиллиан села отдельно у окна; как только поезд тронулся, кондуктор, проверив билеты, вернулся и сел рядом с ней. Когда поезд дошел до следующей станции и кондуктор ушел по своим обязанностям, на его место пришел проводник. Мужчины в вагоне говорили вполголоса, и только изредка раздавался взрыв хохота. Несколько женщин из Бидвелля, ездивших навестить родных в других городах, чувствовали себя весьма неловко. Они сильно краснели и смущенно смотрели в окно.

На вокзале в Бидвелле, где мрак понемногу окутывал землю, мужчины и мальчишки все еще оставались на месте и говорили о Лиллиан и о ее похождениях.

– Она может ездить куда ей угодно и никогда ни одного цента не платит, – сказал высокий бородач, стоявший прислонившись к двери. Это был скупщик свиней и живности, и ему приходилось еженедельно ездить в Кливленд; его сердце наполнялось злобой и завистью при мысли, что Лиллиан, жрица любви, разъезжает бесплатно по железным дорогам.

Вся семья Эджли пользовалась скверной репутацией в Бидвелле, но, за исключением Мэй, самой младшей, они все умели за себя постоять.

Старший, Джек, в течение многих лет работал буфетчиком в салуне Чарли Шотера, в нижней части Главной улицы; в один прекрасный день он, к общему удивлению, откупил салун.

– Или Лиллиан дала ему денег на это, или он обобрал Чарли Шотера, – говорили все мужчины в один голос. Несмотря на это, они пренебрегали принципами морали и ходили к Джеку напиваться. Хотя пороки в Бидвелле строго осуждались, тем не менее молодежь втайне считала порок признаком мужественности.

Фрэнк и Уилл Эджли были, подобно отцу, ломовыми извозчиками и все тяжело работали. У них были свои запряжки; они были не из тех, кто чужой милости просить станет; не будучи заняты работой, они тоже не искали общества других мужчин.

В субботу, покончив с работой за неделю, они чистили лошадей, задавали им корм и убирали стойло; потом надевали черные костюмы, белые воротнички, черные галстучки и отправлялись пьянствовать на нашу Главную улицу. К десяти часам им это удавалось с успехом, и, пошатываясь, они возвращались домой.

Встречая во мраке под тополями на Плющевой или Ореховой улицах бидвелльских сограждан, возвращавшихся домой, они затевали скандалы.

– Пошел с дороги, будь ты проклят! Прочь с тротуара! – ревел Фрэнк Эджли, и оба брата бросались вперед, предвкушая драку.

Но однажды, в июньский вечер, когда светила луна, а в высокой траве между тротуаром и мостовой стрекотали кузнечики, братья Эджли встретили Эда Пеша, молодого немца-фермера, вышедшего погулять с Каролиной Дюпи, дочерью бидвелльского торговца галантереей; произошла драка, которой братья Эджли так долго искали.

Фрэнк Эджли рывкнул свое излюбленное «прочь с тротуара!», и оба брата ринулись вперед, но Эд Пеш не отступил и не позволил им пройти торжествуя.

Он вступил в драку, и оба брата были жестоко избиты; когда они в понедельник утром показались со своими тележками, их лица были обезображены, а под глазами красовались фонари.

В течение целой недели они разъезжали вверх и вниз по Главной улице и развозили лед, уголь и товары, не заговаривая ни с кем и не поднимая глаз от земли.

Весь город пришел в восторг, а клерки перебежали от одного магазина к другому, делая замечания по этому поводу, да так, чтобы братья Эджли слышали их.

– Видал ты этих Эджли? Получили по заслугам! Эд Пеш задал им то, что им давно следовало получить!

Более горячие клерки с богатым воображением обсуждали драку, разыгравшуюся в темноте, как будто они сами присутствовали при том и видели каждый удар.

– Это возмутительные хамы! Каждый, кто только сумеет постоять за себя, побьет их! – горячился Уолтер Уиллис, худощавый, нервный юноша, работавший у бакалейщика Альберта Твиста. Он тосковал по славе такого бойца, каким показал себя Эд Пеш.

Вечером, возвращаясь домой из лавки, он пытался вообразить, что сталкивается с братьями Эджли.

– Я вам покажу, – вы, хамы! – бормотал он и кулаками наносил удары в пустоту. Приятный холодок проходил по спине и по всем мускулам рук, но днем его ночная неустранимость исчезала.

В среду, когда Уилл Эджли подъехал к задней двери лавки с телегой, нагруженной бочками с солью, Уолтер Уиллис специально вышел полюбоваться и усладить душу видом раскрытых губ и подбитых глаз.

Уилл Эджли стоял, заложив руки в карманы, и глядел в землю. Наступило неловкое молчание, и конец ему положил клерк.

– У нас никого нет, а эти бочонки очень тяжелы, – сказал он дружелюбно, – я попытаюсь быть вам полезным и помогу выгрузить соль.

И, сняв с себя пиджак, Уолтер Уиллис помог выполнить работу, которая целиком лежала на обязанности возчика, Уилла Эджли.

Если Мэй Эджли поднялась за годы девичества выше всех других членов семьи Эджли в смысле общественного престижа, то она зато пала ниже их всех.

Ей представлялась благоприятная возможность, и она ею пренебрегла!

Таков был единогласный вердикт города, но, надо сказать правду, никто в этой семье не пользовался особенной симпатией сограждан.

О Лиллиан Эджли и говорить нечего – она стояла вне рамок общества, а Кейт была лишь уменьшенным изданием сестры. Она прислуживала за столом в гостинице Фаунсби, и почти каждый вечер ее можно было видеть с кем-нибудь из проезжих вояжеров.

Кейт тоже ездила в соседние города, но возвращалась всегда той же ночью или на заре следующего дня.

Она, по-видимому, не так преуспевала, как ее сестра Лиллиан, а потому ей осточертела тупая жизнь маленького городка.

Когда Кейт исполнилось двадцать два года, она переехала в Кливленд, где устроилась моделью в крупном магазине дамских нарядов. Потом стала актрисой в какой-то странствующей водевильной труппе, и Бидвелль никогда больше не слыхал про нее.

Что же касается Мэй Эджли, то она в течение всего детства и вплоть до семнадцати лет была образцом хорошего поведения. Об этом говорилось повсюду.

Она несколько не походила на других Эджли; она была маленькая, смуглая девушка; одевалась не как сестры, а скромно, и платье хорошо сидело на ней.

Еще девочкой, в школе, она стала привлекать всеобщее внимание своими успехами в науках. А Лиллиан и Кейт были лентяйками и проводили большую часть времени, флиртуя с мальчишками-соучениками и с учителями.

Но Мэй ни на кого не обращала внимания и, как только уроки кончались, шла домой к своей матери, высокой, измученной женщине, которая редко выходила из дому.

Лучшим учеником во всех школах Бидвелля считался Том Минс, который впоследствии стал военным; он прославился обучением рекрутов во время Великой войны и дошел до высокого чина. Том готовился к поступлению в Вест-Пойнт¹ и не проводил вечеров, околачиваясь на перекрестках. Он сидел дома и постоянно занимался. Отец его был юристом, а мать – троюродной теткой одной дамы в Кентукки, которая была замужем за английским баронетом.

Том мечтал о карьере военного и хотел вырасти джентльменом и жить интеллектуальной жизнью; он с большим презрением относился к умственным способностям товарищей по школе.

Когда же вдруг у него появилась соперница в школе, да еще в лице девушки из семьи Эджли, он был смущен и зол, а весь класс возликовал.

День за днем из года в год продолжалось состязание между Томом и Мэй, и можно сказать, что весь городок стоял за последнюю.

В истории и в английской литературе Том не знал себе равных, но что касается грамматики, арифметики и географии, Мэй без всякого усилия брала верх.

Сидя на школьной скамье, она напоминала фокстерьера перед крысиной норой. Зададут ли устный вопрос или задачу на доске, и Мэй уже вскакивает.

Ее рука поднимается в воздухе, а чувственный рот вздрагивает.

– Я знаю, – говорит она, и никто в классе в этом не сомневается.

Когда она удачно отвечала на вопрос, которого никто не знал, школьники смеялись от удовольствия, а Том Минс смотрел в окно.

Мэй возвращалась на место, полуторжествуя, полустыдясь своей победы.

Земля на запад от Бидвелля, как и везде в этих местах в Огайо, культивируется под ягоды, и в июне, по окончании занятий в школах, все молодые люди, и мальчики, и девочки и большинство женщин отправляются работать на поле. Тотчас же после завтрака все забирают с собою корзиночки со снедью и гурьбою пускаются за город, где остаются вплоть до захода солнца.

---

¹ Вест-Пойнт – военная академия в Нью-Йорке.

Мэй Эджли была одинаково выдающейся фигурой на земляничном поле, как и в школе. Она не ходила и не ездила на работу вместе с другими молодыми девушками и никогда не присаживалась к группам отдыхающих; все понимали, что виною этому ее семья.

– Я хорошо понимаю, как она себя чувствует; если бы я происходила из такой семьи, так тоже старалась бы не привлекать внимания к себе, – сказала одна женщина, жена столяра, шагая вместе с другими по пыльной дороге.

На земляничном поле, принадлежавшем фермеру по имени Питер Шорт, ползало человек тридцать – женщин, девочек и высоких, неуклюжих мальчиков – и собирали яркие, ароматные ягоды.

Впереди всех шла Мэй – девушка, которая всегда ходила в одиночку. Ее руки быстро-быстро опускались и поднимались среди земляничных клубней, подобно хвостику белки в деревьях.

Остальные ходили медленно, останавливаясь от поры до времени, чтобы съесть несколько ягод и поболтать, а когда один несколько опережал других, то останавливался и ждал, сидя на корточках, пока другие не поравняются с ним. Их труд оплачивался соразмерно с количеством собранных ягод, столько-то за меру, но они часто говорили, что «дело не в одной плате». Сбор ягод был чем-то вроде традиционного обычая; и станут ли дети и жены зажиточных ремесленников надрываться ради нескольких лишних центов.

Другое дело – Мэй Эджли, и все это понимали.

Всем было доподлинно известно, что ни она, ни мать не получают почти ничего ни от отца, Джона Эджли, ни от братьев, Джека, Уилла и Фрэнка, ни от сестер, тративших весь заработок на себя.

Для того, чтобы прилично одеваться, ей приходилось работать летом, когда школа не отнимала ее времени. Многие предполагали, что она мечтает о должности учительницы, а для этого нужно всегда показываться на людях прилично одетой и зарекомендовать себя работоспособной и дельной во всем.

Вот почему Мэй неустанно работала, и плетенки с ягодами, ею собранные, росли в гору. Питер Шорт приходил вечером со своим сыном, и, проходя вдоль гряд, они подбирали плетенки с ягодами, чтобы уложить их в телегу и отвезти в город.

Он с гордостью смотрел в сторону Мэй и с убийственной укоризной обращался к остальным:

– Эх вы, болтливые бабы и лентяи-мальчуганы! И куда вы годитесь? Неужели вам не стыдно за себя? Посмотрите-ка сюда, вот ты, Эл, или ты, Сильвестр, – как же вы даете себя побить девочке, да еще такой, которую можно домой в кармане унести!

И вот летом, на семнадцатом году жизни, Мэй совершенно потеряла тот престиж, которым пользовалась в Бидвелле.

В то лето произошли два события, сыгравшие трагическую роль в ее жизни.

В апреле месяце умерла ее мать; в июне Мэй окончила школу второй, в смысле успехов, после Тома Минса.

А так как отец последнего был в течение многих лет почетным членом школьного совета, то граждане Бидвелля скептически покачивали головой по поводу того, что Тому был присужден первый приз. Большинство считало, что фактически Мэй заслужила первенство.

И теперь, когда она работала в поле, у всех в памяти еще свежа была смерть ее матери, и даже женщины готовы были забыть все и простить ей родство с семьей Эджли.

Что же касается самой Мэй, то она полагала, что ей все равно, что бы с ней ни случилось.

И вдруг произошло нечто неожиданное. Как выразились многие жены, передавая о случившемся своим мужьям, «сказалась порода».

Некий Джером Гадли был виновником того, что приключилось с Мэй. Он отправился однажды в поле Питера Шорта собирать ягоды «забавы ради», по его же выражению, и он нашел забаву в лице Мэй.

Джером был хорошим футболистом, а служил он почтовым клерком на железной дороге. После каждого рейса в почтовом вагоне ему полагалась пара дней отдыха, и он присоединился к сборщикам ягод, потому что в опустевшем городке ему было скучно.

Увидев Мэй, работавшую в стороне от всех, он подмигнул товарищам и, приблизившись к ней, опустился на колени и стал собирать ягоды почти так же быстро, как и она.

– Ну-ка, крошка, – сказал он, – я почтовый служащий и здорово набил руку сортировкой писем, так что пальцы у меня быстро шевелятся. Посмотрим, сумеешь ли ты со мною помериться!

В течение целого часа Мэй и Джером подвигались рядом, и вот в это время случилось то необычайное, что взволновало весь Бидвелль.

Та самая девушка, которая ни с кем никогда не разговаривала, начала отвечать Джерому; все работавшие на поле изумленно переглянулись. Мэй уже не собирала ягод с обычной молниеносной быстротой, – она часто останавливалась, клала иногда ягоду в рот и даже, взяв однажды огромную красную ягоду, подала ее через грядку Джерому. Затем она шутя положила горсть ягод в его плетенку и сказала:

– Вы и полтинника в день не заработаете, если не прибавите пару!

При этом она робко улыбнулась.

А в полдень все стали свидетелями дальнейшего. Усталые сборщики пошли сперва освежиться к колодцу фермера, а потом в сад, посидеть в тени и закусить.

Не оставалось больше сомнения – с Мэй Эджли что-то случилось. Все чувствовали это. Впоследствии было единогласно решено, что в этот час отдыха Мэй совершенно спокойно и обдуманно решила пойти по стопам своих сестер и плюнуть в лицо всему городу.

Работники разбились на группы и сидели под деревьями – женщины и девочки под одним деревом, мужчины и мальчишки под другим. Жена Питера Шорта принесла горячий кофе, и он был разлит в жестяные чашки. Пошли шутки, заигрывание и хихиканье девиц.

Несмотря на всю неожиданность поведения Мэй по отношению к Джерому – холостяку и «предмету» для любой незамужней женщины – никто не предполагал, что из этого может выйти что-нибудь серьезное. На поле всегда процветал флирт. Флирт завязывался, выдыхался и исчезал, как дым. Вечером, когда молодежь отмоеет полевую грязь и наденет воскресное платье, тогда совсем другое дело. Тогда девушка должна держать ухо востро. Когда вечером идешь гулять с молодым человеком по темным аллеям или за город – вот тогда что-нибудь может случиться с девушкой.

Но когда вокруг тебя старшие женщины, – как можно заподозрить что-нибудь дурное только потому, что молодой человек и девушка ходят рядом, смеются и дурачатся? Это значило бы ложно понять весь дух ягодного сезона.

И, по-видимому, Мэй так-таки ложно поняла его.

Но никто и не подумал винить в чем-нибудь Джерома, – уж во всяком случае не молодые люди.

Во время полднего отдыха Мэй сидела несколько в стороне от остальных сборщиков земляники, – она всегда так поступала, Джером лежал в густой траве в конце сада, тоже в стороне от остальных.

Какое-то неприятное напряжение охватило отдохавших под деревьями.

Мэй не пошла на этот раз к колодцу вместе со всеми и, сидя прислонившись спиной о дерево, держала сандвич черной от земли рукою. Рука дрожала, и один раз сандвич выпал из ее рук.

Внезапно она вскочила на ноги, положила корзиночку со снедью в разветвление дерева, с вызовом в глазах переползла через изгородь и пошла по тропе, которая проходила мимо фермы Питера Шорта. Эта тропа вела через луг к мостику, а потом через небольшое пшеничное поле в лес.

Мэй прошла небольшое расстояние, остановилась и оглянулась; сидевшие под деревьями удивленно глядели на нее, не понимая, в чем дело.

Но вот Джером Гадли поднялся на ноги. Ему было стыдно. Он неуклюже перешагнул через изгородь и ушел, стараясь не оглядываться.

Все были уверены, что все это было раньше условлено. Женщины и девушки встали и следили за тем, как Мэй и Джером сошли с тропы и направились в лес.

Пожилые женщины качали головой.

– Ну, ну! – только и слышалось из их уст.

А молодые люди и мальчуганы начали хохотать, хлопать друг друга по спине и подпрыгивать, словно козлята.

Положительно, это было невероятно.

Еще раньше, чем они скрылись из поля зрения людей в саду, Джером обнял Мэй за талию, а она положила головку к нему на плечо.

Все пожилые женщины решили единогласно, что Мэй, с которой все обращались почти как с равной, пожелала плюнуть им в лицо.

Мэй и Джером оставались два часа в лесу, а затем вернулись в поле, где остальные были уже за работой. Девушка была бледна, и было похоже, будто она плакала. Она, как всегда, работала в одиночку, а Джером, после нескольких минут неловкого молчания, воцарившегося с их возвращением, надел пиджак и направился обратно в город.

Мэй успела собрать изрядную стопку плетенок с ягодами в течение остальной половины дня, но раза два или три плетенки падали из ее рук. Рассыпавшиеся ягоды лежали ярко-красными пятнами на фоне черной земли.

После этого дня никто больше не видел Мэй на поле.

А у Джерома Гадли было чем похвастать. По вечерам, среди собравшихся юнцов, он пространно рассказывал об этом приключении.

– Кто меня станет винить? Я воспользовался тем, что давалось в руки, – говорил он, хвастливо смеясь.

Он рассказывал со всеми мельчайшими подробностями о том, что произошло в лесу, и его молодые слушатели теснились вокруг рассказчика, и их сердца были преисполнены зависти.

По мере того, как Джером рассказывал о своей победе, он одновременно гордился и смущался от того внимания, которое весь город уделял ему.

– Это было легче легкого, – хвастал Джером, – Мэй Эджли самая доступная добыча, какая когда-либо жила в Бидвелле. Даже говорить ей не пришлось о том, что от нее хочешь. Вот как это легко дается нашему брату!

Глава II

После того, как Мэй разбилась о каменную стену мещанской морали Бидвелля тем, что пошла в лес с Джеромом Гадли, она продолжала оставаться дома, исполняя всю ту работу, которая раньше лежала на плечах матери. Она стирала, готовила пищу, убирала и делала постели. Она находила что-то утешительное в черной работе; она гладила платья Лиллиан и Кейт и мыла грязные рабочие блузы и панталоны отца и братьев, находя в этом душевное удовлетворение.

– Я устаю от работы и могу спать, ни о чем не думая, – говорила она себе.

Стоя над корытом с грязным бельем, убирая грязные постели братьев, которые накануне вернулись домой пьяными, или возясь у горячей плиты, она не переставала думать о покойной матери.

– Что бы сказала мама? – мысленно спрашивала она себя и добавляла: – Если бы она не умерла, этого не случилось бы. Будь у меня кто-нибудь, с кем поделиться мыслями, то все было бы иначе.

В течение всего дня, когда мужчины работали, – Лиллиан редко бывала дома, – Мэй имела в своем распоряжении весь дом. Это было двухэтажное деревянное строение на окраине городка, и когда-то оно было окрашено в желтый цвет. Но дожди частью обесцветили краску, и стены выглядели полосатыми.

Дом стоял на небольшом холмике, и со стороны кухни фундамент круто ниспадал. У подножья холма протекал ручей, а за ручьем находился луг, который в известные периоды превращался в болото.

Ручей был густо окаймлен камышами, ивами и бузиной, и часто, когда никого не было вокруг, Мэй выходила через кухню и оглядывалась, нет ли кого на дороге, которая шла мимо дома; если путь был свободен, она спускалась с холмика и забиралась промеж густых, пахучих камышей.

– Здесь я потеряна для света, и никто не увидит и не найдет меня, – думала она, и эта мысль давала ей огромное удовлетворение.

Ее щеки краснели и становились горячими, и она прижималась лицом к холодным камышам.

Когда проезжала телега по дороге или кто-нибудь проходил мимо, она сворачивалась комочком и закрывала глаза. Звуки, пронесившиеся мимо, казались ей далекими-далекими, и она представляла себе, что каким-то образом бежала от всех людей.

Как тепло и уютно было лежать, зарывшись в темной, зеленой листве ив! Скрюченные ветви деревьев походили на человеческие руки, но не на руки того человека, с которым она лежала в лесу, – они не хватили ее со страшной, конвульсивной силой. Она часами лежала не шевелясь в густой, теплой тени. Ничто ее в это время не пугало, и раны издерганной души немногo залечивались.

– Я превратилась в отверженную там, среди людей, но я не отвергнута здесь, – говорила она себе.

Узнав о том, что разыгралось на земляничном поле между сестрой и Джеромом Гадли, Лиллиан и Кейт Эджли были возмущены и взбешены, и однажды вечером, когда они вдвоем были дома, а Мэй была занята на кухне, заговорили об этом между собою. Лиллиан была страшно зла на сестру и заявила, что она ей выложит все, что она о ней думает.

– Зачем ей понадобилось себя продешевить? – кричала она. – Меня положительно тошнит, когда подумаю о такой дряни, как Джером Гадли. Если она решила дать себе волю, то зачем было себя так дешевить?

В семье Эджли было принято за непреложное, что Мэй сделана из другого теста; старый Джон Эджли и братья платили ей дань грубоватого почтения. Они не распускали при ней

языка, как при Лиллиан и Кейт, и в тайниках души считали Мэй звеном между ними и лучшей частью общества Бидвелля.

Мать Эджли была вполне почтенная особа, но она была стара и измучена и никогда почти не выходила из дома, а потому семья считала Мэй главою дома.

Братья гордились сестрой потому, что она так хорошо зарекомендовала себя в школе. Они были простыми рабочими и никогда не надеялись быть чем-нибудь другим, но им лестно было думать, что «эта сестренка наша показала Бидвеллю, что Эджли могут им нос утереть. Она умнее их всех. Гляди только, как она сумела привлечь внимание всего города к себе!».

Что касается Лиллиан, то до инцидента с Джеромом она постоянно говорила с почтением о своей сестре.

У нее было много друзей в Норуолке, Фримонте, Клайде и других городах, которые она посещала.

Мужчины любили, потому что, говорили они, Лиллиан была женщиной, которой можно довериться. С ней можно было говорить, ей можно было сказать все, что было на душе, а она умела держать язык за зубами; и мужчины чувствовали себя с нею легко и непринужденно. Среди ее тайных знакомых были представители церкви, юристы, крупные дельцы, почтенные отцы семейств. Конечно, они встречались с Лиллиан тайком, но она понимала и уважала их желание держать их отношения в секрете.

– Незачем мне даже говорить о том, что вам нужно остерегаться, – говорила она клиенту.

Обыкновенно это устраивалось так.

Если это было летом, то она уславливалась с тем лицом, с кем должна была провести вечер, и тот поджидал ее – после сумерек – в тележке у назначенного места. Потом они выезжали и исчезали во мраке извилистых, тенистых дорог. По мере того, как ночь надвигалась – и улегалась первые порывы страсти – чувство раскрепощения охватывало мужчину.

– Это куда лучше, чем возиться с девчонками или с чужими женами. С Лиллиан можно быть спокойным и уверенным в том, что все будет шито-крыто, – размышлял он.

Парочка подъезжала к полю, садилась на краю дороги и беседовала часами. С Лиллиан мужчины могли говорить так, как ни с какой другой женщиной. Она была умна и деловита, и они часто спрашивали ее совета.

– Так вот, видишь, Лиль, как дело обстоит – будь ты на моем месте, ты стала бы продавать или нет?

Ей не раз задавали подобные вопросы.

Но случалось, что в беседе затрагивались и более интимные вопросы.

– Вот, видишь ли, Лиль, мы с женой живем недурно. То есть мы уживаемся, но о любви говорить не приходится, – говорит один из ее временно-интимных друзей. – Жена меня постоянно пилит, почему я много курю, почему не хожу в церковь. А тут еще неприятности из-за детей. Моя старшая дочка что-то больно часто повадилась гулять с Гарри Гарвнером, и я себя каждый день спрашиваю, подходящая ли он для нее пара. И не могу решить. Ведь ты его давно знаешь, Лиль, каково твое мнение?

Приняв неоднократное участие в беседах этого рода, Лиллиан, с своей стороны, пользовалась Мэй как темой для разговоров.

– Я вас понимаю, – говорила она, – я приблизительно то же самое испытываю, когда думаю о своей сестре Мэй.

Она не меньше ста раз успела рассказать, что Мэй совсем не то, что все остальные Эджли.

– Она такая умница, бьюсь об заклад, во всех школах не было девочки умнее Мэй!

Понятно поэтому, что, пользовавшись столько времени сестрой как доказательством способностей Эджли, Лиллиан была потрясена, узнав об истории на земляничном поле. В течение нескольких недель она хранила молчание, но однажды, в жаркий июльский вечер, когда никого, кроме нее и Мэй, не было дома и они сидели на крыльце, она заговорила с сестрой.

Она намеревалась действовать как мать – без обиняков, но ласково. Но как только она открыла рот, ее голос задрожал и ее начала обуревать злоба.

– Я слышала, Мэй, что ты глупостей наделала с мужчиной, – начала Лиллиан.

Вечер был жаркий и темный; небо уже давно предвещало грозу. После вопроса Лиллиан долго царил мертвая тишина, а потом Мэй положила голову на руки и, наклонившись вперед, начала тихо плакать. Она раскачивалась взад и вперед и изредка молчание прерывалось заглушенными рыданиями.

Но Лиллиан решила поскорее закончить начатое дело в том же суровом тоне, пока она сама не расплакалась, а потому резко добавила:

– Ты из себя разыграла большущую дуру, Мэй. Я этого от тебя не ожидала. Не думала, что ты окажешься дурой!

Пытаясь заглушить в себе мысль о своей собственной злосчастной жизни, Лиллиан становилась все более и более резкой. Ее голос все еще дрожал, и, чтобы снова вернуть контроль над собой, она встала и пошла в комнаты. Когда она вернулась оттуда, Мэй все еще сидела, закрыв лицо руками. Жалость охватила Лиллиан.

– Да ладно, брось себя расстраивать, детка, из-за этого. В конце концов, я ведь только старая дура. Не обращай на меня внимания. Надо признаться, ни я, ни Кейт не дали тебе слишком хорошего примера.

Лиллиан села на краешек крыльца и положила руку на колено сестры; когда она ощутила дрожь в теле девушки, в ней сразу проснулась материнская нежность.

– Слушай, детка, – снова начала она, – я знаю, что может иногда взбрести в голову девушки. Со мной ведь тоже бывало. Девушка всегда надеется найти порядочного мужчину – мечтает о том, чего нет на свете. И она сама хочет оставаться честной, но в то же время ее тянет к чему-то другому. Поверь мне, детка, я знаю, что ты пережила, но это все вздор. Прими это от меня, я знаю, о чем говорю. Достаточно я побывала с мужчинами. Мне ли не знать их!

Она впервые начала говорить с младшей сестрой как с подружкой и горела желанием дать ей пару полезных советов; но Лиллиан не догадывалась, что ее дальнейшие слова причиняли еще больше боли, чем ее злоба.

– Я много думала о матери, – сказала она, подпав под власть воспоминаний. – Мать была всегда молчаливая и печальная. Когда я и Кейт исчезали из дома, она нам ничего не говорила, и даже когда я еще девчонкой начала бегать по вечерам, она тоже молчала. Я помню, как однажды я поехала с одним мужчиной в Фримонт и оставалась там на всю ночь. Мне совестно было возвращаться домой. Мне здорово влетит, – думала я, но мать ни слова не промолвила; то же самое было по возвращении Кейт – она ее никогда ни одним словом не попрекнула. И, сдается мне, что и я и Кейт полагали, что она – как и отец и братья – возлагала все надежды на тебя.

– Ко всем дьяволам мужчин, – и отца, и Уилла, и Фрэнка! – резко добавила Лиллиан. – Ведь мужчинам всего и требуется, что напиться вдрызг, а потом завалиться спать, словно псы. И наши не лучше других – только они не так чванятся, как другие мужчины.

Лиллиан все больше и больше горячилась.

– Я так гордилась тобою, Мэй, а теперь я не знаю, что и подумать. И я, и Кейт, мы тысячу раз хвастали тобою. Меня бесит, как подумаю, что ты из семьи Эджли, да еще такая умница, пошла себя дешевить с каким-то Джеромом Гадли. Бьюсь об заклад, он даже не предложил тебе денег или жениться на тебе!

Мэй поднялась на ноги; все ее тело судорожно дергалось; Лиллиан тоже встала и стояла рядом с нею. Она решила подойти к самому корню затеянного разговора.

– Послушай... ты... ты не беременна? – наконец промолвила она.

Мэй стояла опершись о дверь и вглядывалась во мрак, предвещавший грозу.

– Нет, Лиллиан, – ответила она, протягивая вперед руку, как ребенок, который молит о пощаде. При свете блеснувшей молнии Лиллиан увидела, что лицо сестры бело, как мел.

– Не говори больше об этом, Лиллиан, пожалуйста, не говори. Я никогда больше не стану этого делать, – с мольбой в голосе добавила Мэй.

Но Лиллиан действовала решительно. Когда Мэй вошла в дом и стала подниматься наверх к себе, старшая сестра пошла следом за нею до подножия лестницы.

– Я не хочу, чтобы ты это делала, Мэй, – сказала она, – я не хочу, чтобы ты это делала. Пусть хоть один Эджли идет прямым путем.

Но если ты решилась сойти с прямого пути, то не будь дурой. Не связывайся с такой дрянью, как Джером Гадли, – ничего ты от таких не получишь, кроме медовых обещаний.

Если непременно хочешь идти по следам твоих сестер, то приходи ко мне, – я познакомлю тебя с людьми, у которых водятся деньги, и тебе не будут грозить никакие неприятности. Если хочешь жить, как я и Кейт, ты не будь хоть дурой. Только скажи мне.

* * *

В течение всех своих семнадцати лет Мэй ни разу не подружилась ни с одной девушкой, хотя не переставала мечтать о подруге. Еще школьницей она наблюдала за девочками, возвращавшимися домой. Они медленно шагали обнявшись, и как много было у них, что передать друг другу. Дойдя до перекрестка, где их пути расходились, они не решались расстаться.

– Сегодня ты проводи меня немного, а завтра я тебя провожу, – говорила одна из них.

А Мэй возвращалась всегда одна, с сердцем, наполненным завистью; когда же она окончила школу, и особенно после происшествия на земляничном поле – которое Лиллиан определила как начало ее горестей, – Мэй еще сильнее стала мечтать о дружбе с другой девушкой.

Летом последнего года жизни Мэй с ними по соседству поселилась молодая девушка из другого города. Ее отец работал на железной дороге, и Бидвелль был ее конечным пунктом.

Железнодорожник очень редко бывал дома, его жена умерла несколько месяцев тому назад, а дочь, Мод, была слаба здоровьем и не общалась с другими девушками.

Каждый день, после обеда и вечером, ее можно было видеть на крыльце в качалке, и Мэй, будучи иногда вынуждена сбегать в лавку, часто видела ее там.

Новоприбывшая была высокого роста, худенькая и выглядела инвалидом. Щеки были бледные-бледные, и на всем лице лежал отпечаток усталости. За год до этого она перенесла очень серьезную операцию, и ее бледность и болезненный вид сильно тронули сердце Мэй.

«Мне кажется, что она тоже ищет дружбы с кем-нибудь», – думала она с надеждой в душе.

Когда умерла жена железнодорожника, его незамужняя сестра занялась хозяйством.

Мэй иногда видела ее на крыльце вместе с Мод, – невысокая крепко сложенная женщина, с сильным подбородком и жесткими серыми глазами. В таких случаях Мэй быстро проходила мимо, но когда видела, что Мод одна, она проходила медленно, робко глядя на это бледное лицо и сгорбленную фигуру в качалке.

Однажды она решилась улыбнуться, и та ответила тем же. Мэй задержалась и, перегнувшись через изгородь, сказала: «Жарко».

Но раньше, чем успел завязаться разговор, она испугалась и поспешно ушла.

Тем же вечером, когда мужчины ушли в город, Мэй, закончив работу, вышла на улицу. Лиллиан не было дома. На тротуаре поблизости не видать было ни души. Дом Эджли был последним на этой улице; следом за ним вверх, по направлению к городу, шел незастроенный плац, потом старый сарай, где когда-то находилась кузница и, наконец, дом, в котором жила Мод.

Когда мягкий мрак начал окутывать улицу, Мэй пошла вверх по улице и остановилась у заброшенного сарая. Девушка в качалке на крыльце завидела ее там и, по-видимому, сообщила, что Мэй боится ее тети. Она встала, открыла дверь, которая вела в комнаты и, убедившись в том, что никто ее не видит, сошла с крыльца и подошла к калитке по выложенной

кирпичами дорожке, а потом прошла по улице к тому месту, где стояла Мэй; она несколько раз обернулась назад, чтобы посмотреть, не следят ли за нею. На краю дороги лежал огромный плоский булыжник; Мэй заставила ее сесть и отдохнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.